

Д. Ф. МДП-102) Петроград, улица Тоголи, № 22. Издание это является также в копирке Н. И. Печковской в Москве (Петровская линия), в кн. мвзглант "Образование" в Одессе (Дерибасовская, 18) и во всех больш. нижн. магаз.

СЕРДЕЧНЫЯ — ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебиеніе и одышки, невравствєнія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ ИС ВВА
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора Его Императорскаго Величества.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Голубо-голубая, октябрь 1 пр. 208 рас. 1 черт. въ тексты, транспорт. и тетрадодемарат. Новѣйш. самсуит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вѣнз. образц. на копирокъ, скороп. Цѣна за починъ курсъ съ вѣнз. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. рукокод. для самообразован., со справочн. стоваремъ всѣхъ словъ, вѣнз. и словъ съ буквою ъ. При посылкѣ нѣмѣ. вѣнз. 25 к.

Адр.: Кингсг. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАВАНІЯ“ Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4

Всѣ правила твердо усваиваются по мощью 121 упражн. и систематическаго изученія. Самоуч. бѣнз. форм. 330 стр. убоиств. шрифтъ. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писанія со скоростью рѣчи) починъ курсъ для самообразованія. 168 страницъ. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить въ службу въ военн., обществ. и частн. учр., формъ прошеній, писемъ, какія вѣнз. должны принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылкѣ нѣмѣ. вѣнз. 25 к.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какою-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствъ, не требующія капитала, особыми знаніями и специальной подготовкой. Заняться любымъ можетъ неимѣнно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатицковъ пер., 18 2.

ПИСАТЬ

Красиво и скоро будете выписывать „Механическую пропись“. Пособіе въ каллиграфіи. Цѣна нѣмѣ. вѣнз. 25 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ОТНР. ПИСЬМА

Импер. Россійск. Флотъ
(Броненосцы, крейсера и т. д.) 32 разн. въ сотнѣ. Превосх. исполн. въ краскахъ на изюмномъ картонѣ. 100 шт. — 3 руб. 1000 шт. — 25 руб. съ нѣмѣ. вѣнз. и перес.
Т-во „АСТРА“, Петроградъ, Шувалово-Никольская, 9.

Химико-бактеріологическая ЛАБОРАТОРІЯ
Б. ГУРЕВИЧА, Литев. б. Га-
сильковская, 10.

ЕДИНСТВЕННОЕ РАДИКАЛЬНОЕ

средство для

БЫСТРАГО ИСТРЕБЛЕНІЯ

КРЫСЪ и МЫШЕЙ.

Гаражу крысинаго и мыш. тифа. Безвредн. для людей, птицъ и домашн. животнхъ.

Порція въ 2 р. 20 к. и 5 р. 15 к.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Значное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, приобщеніе къ проч. **АТ-ТЕСТАТЪ**. Занятія въ вечерн. и вечерн. **БЕЗПЛАТНО**. Адр.: Петрогр. „Кругъ Самообразова-
ванія“, Б. Ружейная, 7—55.

Открыта подписка на 1916-й годъ на старѣйшій въ Россіи литературно-научный журналъ

„ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“.

съ значительно расширенною и поощ-
рительною программой.

(Годъ изданія 16-й).

Охотничье. — Родная природа. — Есте-
ственные богатства страны. — Животное
и пернатое царство Россіи. — Отчествен-
ныя охотничьи азотки. — Промысловая
охота. — Литературное. — Научно-попу-
лярныя очерки и руководящія статьи. —
Покровство стрѣльбы. — Хроника охот-
ничьихъ обществъ и кружковъ. — При-
ложенная техника. — Писательство. —
Собачководство. — Рыболовство. —
Рыболовство на въсѣхъ вѣдѣхъ Россіи. —
Исторія охоты. — Спорты. — Тѣсно связан-
ный съ охотой. — Совѣты молодымъ охот-
никамъ. — За рубежомъ. — Широкая общи-
на охоты и новости оружія. —
Охотничья юмористика. — Инстинкты. — Попробуй и ты. —
Къ участию въ журналѣ привле-
чены лучшіе охотничьи писатели
и знатоки охотничьяго дѣла.

Цѣна 5 руб. въ годъ съ пересылкой и
доставкой; на хорошен. иллюстрирован-
ной бумажѣ 8 руб. въ годъ.

Допускается разсрочка.

Контора редакціи: Москва, Ботани-
ческая пер., д. № 12. Тел. 78—80.
Ред. С. Н. Алексѣевъ.

НЕ ВЫХОДИТЕ
въ холодную или сырую погоду,
НЕ ВЗЯВШИ въ РОТЪ
PASTILLES VALDA
(Лепешку Вальда)

Но особенно
употребляйте только
НАСТОЯЩІЯ
PASTILLES „VALDA“
(Лепешки Вальда),

продаваемые только въ коробкахъ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ именемъ

VALDA

во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ
магазинахъ

(Н. Сапопне, Парижъ).

НИВА

№ 5. „Выходитъ ежедн. 12 стр. съ гол. и 40 стр. съ рис. и выкр.“. „Сборникъ“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и Д. КОСТЭРА, вв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 нѣмѣ. сп. и 2 нѣмѣ. карты театра военныхъ дѣйствій, 12 нѣмѣ. „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выстъ 30 января 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ — 10 р., на 1/2 года — 5 р., на 1/4 года — 2 р. 50 к. Цѣна этого № — 15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

К. Стабровский. Шестые грозы.

Художникъ - провидецъ.

„Шестые грозы“ К. А. Стабровского. (Съ портретомъ и 9 картинками на стр. 74-81).

Можно ли предвидѣть и предчувствовать надвигающийся собитіи? При извѣстныхъ условияхъ, умный, изумчивый и чуткій человекъ способенъ видѣть впередъ многое, еще недоступное зрѣнію и пониманію другихъ людей. Метерлинкъ въ одномъ изъ своихъ философско-поэтическихъ трактатовъ высказываетъ даже недоумѣніе, почему люди до сихъ поръ не научились и не сдѣлались способны видѣть будущее такъ же ясно и отчетливо, какъ они видятъ прошлое. Почему человекъ, поставленный въ настоящее, т. е. въ средину между прошедшимъ и будущимъ, стоитъ все время спиной къ будущему, тогда какъ, казалось бы, именно благодаря своему срединному положенію, онъ долженъ былъ бы находиться въ полѣ зрѣнія не только отшедшаго времени, но и времени наступающаго?

Чрезвычайно интересный примѣръ такой „прозорливости“ будущего представляетъ творчество художника К. А. Стабровскаго, точнее, не все его творчество, но нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся картины и въ особенности циклъ картинъ „Шестые грозы“.

Эти картины (одна воспроизведена въ настоящемъ № „Нивы“) представляютъ собою поэтическую символизацию пылѣвшаго разоренія Польши тевтонцами. Въ рядѣ красивыхъ и жуткихъ символическихъ, полныхъ поэзіи, образовъ художникъ олицетворяетъ Польшу и въ заключеніе провозгласить новое прекрасное будущее родной страны. Картины такъ ясны и опредѣленны по своему содержанию, что зритель уже по первому взгляду убѣжденно говоритъ:

Это картины пылѣвшаго войны!

И съ немалой убѣжденностью прибавляетъ:

Художникъ пишетъ подлѣ впечатлѣній видѣннаго и пережитаго.

Между тѣмъ циклъ этихъ картинъ впервые появился еще де-

сять лѣтъ тому назадъ. Изображена въ нихъ дѣйствительно пылѣвшая ужасная для Польши война, но написаны онѣ отнюдь не подлѣ впечатлѣній пережитаго, ибо въ то время, т. е. десять лѣтъ тому назадъ, художникъ не могъ еще пережить того, что случилось паче. Эти картины — результатъ предвидѣнія, созерцанія будущаго. Художникъ сумѣлъ повернуться лицомъ къ таинственному грядущему и изобразилъ его въ краскахъ и образахъ, близко подходящихъ къ разразившейся дѣйствительности.

Когда картины цикла „Шестые грозы“ были впервые выставлены, К. А. Стабровскому говорили: „Что это вамъ вздумалось изображать нѣкимъ-то зловѣщимъ сказки? Настроеніе, которымъ такъ сильно проникнуто „Шестые грозы“, было тогда еще совершенно чуждо его соотечественникамъ, равно какъ и всѣмъ не посвященнымъ

Художникъ Казиміръ Антоновичъ Стабровскій.

въ замыслы тевтонскихъ монархій.

Самъ художникъ объясняетъ свое предвидѣніе страшныхъ событій предсказаніями теософовъ, которые указывали на 1913 годъ, какъ на начало страшной европейской войны. Подъ вліяніемъ этихъ теософическихъ предсказаній (теософы ошиблись однако на годъ) художникъ и представилъ себя съ чрезвычайной ясностью ту судьбу, которая ожидала его родину. Предвѣстіе и предчувствіе, въ самомъ дѣлѣ, исключительныя.

„Шестые грозы“ распадается на девять картинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою самостоятельную „симфонию въ краскахъ“. Своей творчеству К. А. Стабровскаго красная и содержательная символика пропитана и придаетъ имъ характеръ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ содержание преобладаетъ надъ формой. Всею циклу, за исключеніемъ послѣдней свѣтлой и радостной картины, свойственны мрачные, сумеречные и ночные тона, что тоже характерно для произведеній Стабровскаго.

„Шестые грозы“. Надъ тихими полями собираются мрачныя тучи. Солнце скрылось, и въ тучахъ закружились зловѣщія образы, и тогъ, кому дано это видѣть, видитъ въ нихъ злая начала, принявшія форму дикихъ зѣбръ и чудовищъ. Въ ураганѣ, несущемся надъ безмолвной и омраченной страной, протянулись чьи-то цѣпки когтистыхъ лапъ... И съ громкимъ карканьемъ летятъ предвѣстники грозы и несчастья, черныя вороны.

И вотъ грянулъ громадный ударъ. И на могильныхъ хол-

махъ стали безконечными веренищами молчаливые кресты. Цѣлый лѣсъ крестовъ—Голгофа всего народа. А въ обрывкахъ тучъ опять протянулись хищныя черныя лапы страшнаго чудовища, и молнія освѣщаетъ ихъ.

Пылаютъ деревни, города. Горятъ и гибнутъ въ пламени огненнаго поночи сокровищницы народнаго творчества и дворцы и хижины. Запылали памятники старины, зарѣзано зреломъ небо надъ стариннымъ богатымъ городомъ, и протянулись жуткія тѣни въ улицахъ и переулкахъ. А въ клубящихся облакахъ дыма и въ багровыхъ тучахъ высятся страшныя змѣи и злые гады. Это бѣснуются и торжествуютъ злыя силы эгоизма, ненависти и злобы, сорвавшіяся съ цѣпи подлѣ нхремъ разразившейся грозы.

И настанетъ пора, когда надъ печальной страной, надъ развалинами и крестами, понесутся въ облакахъ души несчастныхъ страдальцевъ, а высоко на небѣ появится распятая на крестѣ Справедливость, и тѣнь отъ ея креста протянется по всему краю изъ конца въ конецъ. Вся страна, измученная и истерзанная врагами, будетъ освѣщена этой страшной тѣнью, и, куда ни протянется она, всюду зачернятъ сожженныя усадьбы, города, деревни.

Изуродовано, изморожено самое лицо земли. Вырублены старые вѣковые лѣса. Лишь пни остались кругомъ, да возвышаются то здѣсь, то тамъ безмолвные курганы. Пустынно на землѣ. Но зато тамъ, сверху, царитъ таинственная жизнь: сонмы коѣнопреклоненныхъ взыскуютъ къ небу о спасеніи отъ гнета жестокихъ темныхъ силъ. И поднимается благословляющій перстъ, и темныя курны на опустѣвшей землѣ предчувствуются и къ молящимъ и къ благословленію.

Вспаханная и изрытая поля покрылись нестерпимой сѣтлѣ. Земля замерла подъ дыханіемъ смерти, и надъ безлюдными мертвыми равнинами царитъ мракъ ночи и холода зимы. И уныло возмущаются три креста—памятники братскихъ могилъ. Но уже близокъ разсвѣтъ. Въ небѣ уже мерцаетъ первый лучъ зари и играетъ багрянымъ отблескомъ на латахъ и сбруѣ таинственныхъ всадниковъ. Тамъ, въ безпредѣльной, свѣтящейся вышинѣ, надъ разорванными грядами грозовыхъ тучъ, эти крылатые всадники играютъ на четыре стороны свѣта пробудный „жизнать“,—ибѣно, ибѣногда исполняющуюся на разсвѣтъ, для пробужденія войскъ отъ сна. Надъ мертвой, можетъ-быть, только уснувшей страной скоро прозвучитъ первый призывъ освобожденія. Возстанутъ спящіе, воскреснутъ мертвые, и миллионы пламенныхъ витязей съ крыльями на золотыхъ латахъ понесутся на коняхъ въ послѣднюю битву съ темными и злыми силами. Гимнъ пробужденія смѣнится грозной ратсогой невиданной битвы. Злыя силы будутъ побѣждены проснувшейся древней мощью народа, гроза пройдетъ, и надъ освобожденной и просвѣтланной страной засияетъ радуга, широкія и свѣтлыя крыла новой жизни.

Такое толкованіе картинъ даетъ самъ художникъ. Такъ истолковывалъ онъ ихъ, словно свое пророческое видѣніе, десять лѣтъ тому назадъ. Теперь все это давно уже сдѣлалось печальной дѣйствительностью. Разрушены кладбища, опустѣли города и селенія, громовые удары не переставая сыплются на несчастную страну и превратили ее въ истинную Голгофу польскаго народа. Вырублены, выжжены лѣса, обезображено лицо земли. И, быть-можетъ, уже промываетъ та таинственная мощь народа, которую думаютъ разбудить вѣдущіи гимнъ боевого проужденія. Быть-можетъ, уже есть уши, которые слышатъ этотъ гимнъ, и есть глаза, которые видятъ огненную рать, рожден-

К. Стабровскій. Огненный потопъ.

ную въ свѣтлыхъ облакахъ и свѣтающую навстрѣчу бунующей грозѣ.

Быть-можетъ, переживаемая нами страшная и необыкновенная эпоха дастъ человечеству многое изъ того, чего ему не доставало въ тѣ времена, когда душа его таилась глубоко на днѣ невѣдомыхъ пучинъ. Теперь душа человечества всплыла на поверхность океана жизни. И пригласа съ собою способность видѣть незримое и слышать неслышимое.

Въ творчествѣ К. А. Стабровскаго мы видимъ рѣдкую глубину мысли и фантазію, основаніемъ которой послужила освобожденная и всплывшая на поверхность жизни душа человечества.

Быть художникомъ К. А. Стабровскій хорошо извѣстенъ не только въ художественныхъ кругахъ Польши и Россіи, но и за границей. Уроженецъ Гродненской губерніи, онъ получилъ художественное образованіе въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ работалъ подлѣ руководствъ такихъ мастеровъ, какъ Рѣпинъ и Кунинъ. Первымъ крупнымъ его произведеніемъ была картина „Могильный въ пустынь“. За картину „Тихина деревни“ К. А. Стабровскій былъ награжденъ медалью на международной выставкѣ въ Парижѣ. Его картина „У развѣда“ приобрѣтена была тѣмъ же въ Мюнхенѣ, а картина „Лазенковскій паркъ въ Варшавѣ“ — для музея въ Венеціи. Съ 1901 по 1910 г. К. А. Стабровскій состоялъ директоромъ Варшавской художественной школы, которая была основана по его же инициативѣ.

Художникъ испыталъ на себѣ самою всѣ ужасы предвидѣннаго имъ „шестія грозы“. Его имѣніе разорено немцами, родная страна захвачена чужими черными лапами иноземцевъ, и самъ онъ сталъ бѣженцемъ, сохранивъ изъ всего своего имущества только свои картины.

Но онъ бодро смотритъ въ будущее...

К. Стабровскій. Громовый ударъ.

„Виноватый“.

Рассказ Владимира Воинова.

I.

В нудные утренние сумерки в первый раз появилась за нашим окопом его медлительная, неповоротливая фигура.

Если спросить, чьим мы заняты были, когда он подползал на неуклюжем, пузатом коньке, можно ответить ясно и коротко:

— Зябли.

Солдаты зябли в окопах, а мы, офицеры, — в землянке, вырытой недвину назад ильцами, а теперь перешедшей до поры до времени, к нам. Как всегда, к вечеру наступило затишье, и люди, уставшие за день, боролись, кто как умел, скуку и холод.

Несколько одиночных выстрелов в нашу сторону заставило некоторых солдат обернуться.

Вот тогда-то они и заметили, что кто-то подползал к окопу и стоит на коньке, не торопясь уйти за прикрытие.

— Какая! — донесся глухой голос.

— Воемая! — ответили люди.

— Ну, вот и хорошо! — сказал человек с лошади и медленно сошел на землю.

Когда он, слегка принася на правую ногу, с конем в поводу, подошел вплотную к окопу, стало видно худое, скуластое лицо, заросшее почти до глаз черной щетиной, и мы догадались, что это новый наш рогный, присланный заместить штабс-капитана Синицына, тяжело контуженного в последний бой.

Поручик Несвицкий прошел с новым ротным из края в

край по окопу и, дав временное командование, спустился в землянку.

— Кто такой? — спросил Несвицкий я и прапорщик.

— Капитан Заплетухин.

— Тот, что был адъютантом?

— Он сам.

Не скажу, чтобы первое впечатление было благоприятным для нового ротного.

Не понравилось нам, что он приехал один, немалый: не понравился и то, что он из адъютантов; а больше всего не понравился его пошлый медлительный и потное равнодушие к тем, несколькими одиночными выстрелами, которыми пригрозил его появление на линии окопа наши противники: в нашем полку народ серьезный и дешеных эффектов не любит.

По лицам солдат, бывших рядом со мной, я видел, что новому ротному едва ли придется занять в солдатской душе то важное и высокое место, которое отводится „отцу-командиру“.

Да и на нас, офицеров, несколько странное впечатление произвела та медлительность и неуклюжесть, с которой он только что вступил в командование.

Само по себе уверенность в чем-то. Может-быть, в себя, может-быть, в нас.

И то и другое нам было не по душе.

— Где ротный? — спросили мы минутой спустя Несвицкого.

— Меня отослали в землянку, а сам остался на правую фланг.

Снял отвлечение и приказал ему сзади окопа вырыть прикрытие для коня.

— Для коня! — удивились мы в один голос.

— Для коня! — смеясь, подтвердил Несвицкий. — Теперь сидит на коньке и смотрит, как роют. Потом придет к нам.

Мы замолчали, думая о новом начальнике.

Прапорщик закурил и принялся упорно сопеть, раздувая под кучкою теплого пшена золотую шелуху скрытого жара, уже кое-где тронутаго предательскою чернью.

II.

— Э, да у вас тут чайник налаживается! — вывел нас из задумчивости голос нового ротного.

Цепляясь за стеньки и потолок, капитан Заплетухин пробрался в землянку и, тяжело отдуваясь, окинул нас улыбающимися, заискивающими глазами.

— Пожалуйста, господин капитан! Тут, видите! — отодвинулся прапорщик, уступая начальнику место.

Ничего, голубчик! Ничего! — затормошил Заплетухин. — Мне и здесь хорошо! Меня зовут Николай Константинович! — добавил он минутой спустя. — А вас?

Мы назвали себя.

Он повторил вслух, словно стараясь запомнить раз навсегда, и вынул серебряный портсигар.

Курите, Петр Николаевич! Иван Владимирович! Владимир Васильевич! — обращаясь он ко мне, Несвицкому и прапорщику.

Мы закурили.

— Ну вот! Будем вместе служить! — сказал капитан, по-прежнему улыбаясь. — Я, знаете, рад. Очень рад, что придется по-настоящему.

Несвицкий налил из чайника аэрированную кружку и поднес капитану.

— Нет, нет! Ради Бога! Залейте! — разинувшись нечаянно Заплетухин. — Пейте сначала

ужь вы! Я погублю! Я ведь недавно отсюда, а вы... Нет, ужь увольте, пожалуйста!

Он решительно отстранял от себя кружку и, скромно похнывая на сторону дымящих палпосов, глядел на нас неспокойными глазами.

В чем дело, не могли мы понять.

Присутствие капитана Заплетухина внесло непривычную неопределенность в наши до этого дня простые и ясные отношения.

Его предупредительность была неприятна, в почтительности, с которой он называл наши имена, старательно избегая забыть их и перепутать, казалось что-то не вяжущееся с его положением старшего и командира: а в той внимательности, с которой он выслушивал самую незначительную нашу слова, чудилось отсутствие искренности.

Вообще же умаление собственного достоинства и в некоторой подобострастности в отношении меня, Несвицкого и даже нашего прапорщика лежало что-то, не вяжущееся с общепринятой формой взаимоотношений, выработанной военной средой.

И от всего этого назревало в душе нехорошее чувство — не то досада, не то недобрый.

— Что он все по отчеству нас погоняет? — угрюмо спросил прапорщик, когда капитан, залив, „пойду-ка навещаюсь“, выполз в окоп из землянки.

— Нет, ужь вы! Я отсюда, а вы откуда! — передразнил Несвицкий. — Не нравится мне это, если по правде сказать. Слово оправдывается в чем-то. Виноватый какой-то!

Я подумал о Заплетухине, и мне показалось, что Несвицкий очень удачно уловил характер его поведения.

— Да! Виноватый! Именно так! Поручик, как звать!

Так и остался за капитаном Заплетухиним эта странная кличка, данная Несвицким по первому впечатлению.

— Где Виноватый? — спрашивали мы один у другого на сдвигущий день.

— Виноватый? В прикрытие у коня! Кормить пошел.

И нам было несколько легче, когда с нами не было Заплетухина.

III.

В первый же день, когда нам пришлось контратаковать отбивавшихся из-за нас, и мне, и Несвицкому, и прапору стало много ясно из того, что до этого дня вызывало досаду и недоброе.

Когда, перед началом удара, вывели перед окоп из прикрывающего брешата коня и Виноватый при помощи ефрейтора принялся карабкаться в седло под пулеметным огнем, мы были изумлены хладнокровием и выдержкой нового ротного.

С той же самой улыбочкой, с которой он предупредительно открывал свой портсигар в землянке, угощая меня и Несвицкого, он глядел на солдат, ожидающих знака для выхода из окопов; и, когда нужный момент настал, он, впереди всех, неуклюже выехал в открытые ворота проволоочной изгороди и под брызгами свинца и шрапнельных осколков повел нашу роту.

Как он упреждал в этом деле, я и теперь не могу объяснить. Знаю только, что, пока на лопатках шла свалка и солдаты работали штыками, все время то здесь, то там появлялась на брешатом коньке неуклюжая фигура Виноватого и присутствием своим внушала уверенность в удачном исходе дела.

А несколько минут спустя, когда люди отхлынули снова в окопы и появились со средоточенным огнем проволочники, Виноватый искал уже свой портсигар, чтобы протянуть его мне с неизменной улыбкой.

Курите, Владимир Васильевич.

Вечером этого дня мы снова сидели в землянке за чайником, и капитан, дожидаясь, когда освободится эмалированная кружка, занятый Несвицким, разговаривал нам, почему он не может разстаться с конем и вынужден постоянно представлять видную фигуру для неприятельских глаз.

Нога у меня, Владимир Васильевич! Я о ног-то забыл вам сказать... Отморозил ее, еще в мирное время. Отрезали. До колена. Так вот и пришлось помириться на деревянной. До войны-то она не очень меня беспокоила, надобности в ней быть боковой отставному. А вот как войну объявили, да все мои приятели ушли на позиции с своими частями, тут-то я и понял, что оно значить — нога! Встретили ли, кажется, нет ни одного учреждения, где бы ни обила пороги моя деревянная нога. Везде был. Просил... Другое за меня хлопотали. И, благодарю Господу, удалось-таки выхлопотать разрешение проехать в полк, якобы за нужными документами. Ну, а раз попал на фронт, — пол-дела сдано. Прикомандировали меня к одному из штабов, в раз как адъютантом, стало-быть. Из сожаления. Отлегло от души! Все-таки при деле. Ничего пока не туду, завтра туду. Нет-нет и огня кое-где понюхает. А все-таки щемил душа настоящего дела хотелось. И случись тут, что вашего командира, дай ему Господи здоровья и счастья, контузило. Тут я и обнаглел. Дайте, говорю, ваше превосходительство, вконец за вас Бога молить, дозвольте командовать ротой! Поглядели, подумали... И все-таки уважали. Вот мы и сидим теперь с вами в земляночке да помаленьку-расторасмь. Правда, нога-то она того... Да Господь с ней... На конишк-то еще послужим! Верно я говорю, Петр Николаевич?

Я поглядел на Несвицкого. Он на меня.

В эту минуту мы много поняли.

IV.

Нет, слов, полюбили мы нашего капитана. От прежней неопределенности и сдвиги не осталось.

Да и капитан как-то вытеснил: не то действительно изменилась манера его говорить с нами, не то глядя теперь на

К. Стабровский. Надъ печальной страной.

К. Стабровский. Тень креста.

К. Стабровский. Курганы.

нее мы сами немного осмыслили: а только приятно нам стало бывать в его обществе, и с боковой охотой мы слушали простые и несколько жалкие слова его.

Захотелось узнать, как относятся солдаты к новому командиру. Вот тут-то я и сдѣлал одно удивительное открытие.

Как-то ночью пришлось нарядить мнѣ команду развѣдчиковъ. Приселъ по окну, вызывая охотниковъ.

На правомъ флангѣ людей на мѣстахъ маловато оказалось.

— Гдѣ народъ? спрашиваю.

— А, — говорятъ, — въ лошадиномъ прикрытіи.

Пробираюсь туда.

Смотрю. И что бы вы думали? Около брюхатаго конишки цѣлый советъ идетъ: двое солдатъ кормятъ его хлѣбомъ съ сахаромъ, одинъ на зѣмцѣ пухъ соломы растряхиваетъ, другой переноситъ по лохматъ скребетъ, ешущая напуганный иней, а ефрейторъ съ лѣвофланговымъ цѣлаго извода изъ старыхъ нѣмецкихъ шинелей для конишки попоны выкраиваетъ.

Взволновала меня пѣся эта исторія.

Не сталъ беспокоить ребятъ: вернулся въ окопъ и набралъ охотниковъ изъ тѣхъ, что тамъ были.

Разказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло: какъ нужно идти, гдѣ зѣмечь, и чего отъ шихъ капитанъ хочетъ.

Съ подустова поняли.

Проводивъ до воротъ въ изгородь, я вернулся назадъ, закурилъ и присѣлъ у окна, порѣшивъ подождать результатовъ развѣдки.

Ночка выдала тихая, темная, въ двухъ шагахъ ничего не видно. Въ такіе ночи, когда остаешься одинъ, особенно хорошо вспоминается. Убѣдаться ноги подую шнелли, привалится на пень и думаю. А время идетъ да идетъ. И вдругъ покажется мнѣ, въ одну изъ минутъ просвѣтлѣнія, что ешущимъ уже долго идти нашихъ развѣдчиковъ.

Забезпокоился я. А ну, какъ попали ребятки? Веталь потихоньку съ насыпи, да и вышолъ навстрѣчу: не послышится ли чего-нибудь?

Только оставилъ за спиной изгородь шагахъ въ полустахъ, загомонилъ вперед что-то. Ну, думаю, наши. Все-таки приналъ до земли на всякій случай и слушаю.

Наши и есть; по разговору узналъ.

— Какъ ты взялъ его? — донеслось до меня.

— Руками бирали! — Это отвѣчалъ Асланъ-Бекъ, лучший изъ нашихъ развѣдчиковъ. — Онъ на меня живое пороть хотѣлъ, а мы его готымъ руками бирали. Очень мнѣ охота была башку ему долой рѣзать. Потомъ Дыриванный Нога вспоминалъ. Нельзя башка рѣзать... Дыриванный Нога живой братъ хотѣлъ, а мы для Дыриванный Нога своей башка не жалѣемъ, совсѣмъ. Якинъ Дыриванный Нога! Гейтъ якинъ!

Асланъ-Бекъ какъ-то вкусно прищелкнулъ языкомъ, и партія развѣдчиковъ поровнялась со мною.

Я осторожно приветалъ и окликнулъ охотниковъ.

Въ эту ночь я не спалъ до разсвѣта.

Все стояли въ ушахъ слова Асланъ-Бека „якинъ Дыриванный Нога“, „для Дыриванный Нога своей башка не жалѣемъ совсѣмъ“.

Мы вотъ, — я, поручикъ Несвицкій и прапоръ, — сразу впали въ ошибку, увидавъ въ своей средѣ новаго человека съ нѣсколько страннымъ образомъ дѣйствій и несправной манерой говорить съ подчиненными.

А вотъ они, солдаты, не сдѣлали этой ошибки.

Ефрейторъ послѣ цѣлаго дня трудовъ и заботъ, вмѣсто отдыха, выкраиваетъ попоны для капитанова коня, а Асланъ-Бекъ, не думая о себѣ, голыми руками беретъ здороваго нѣмца только потому, что командиру это будетъ приятно.

Вотъ тутъ и пойми: какъ и чѣмъ доходятъ они быстро и просто до того, къ чему мы приходимъ послѣ долгой повѣрки и тщательнаго и нуднаго развѣдыванія.

И, что важно всего, у насъ еще возможны ошибки, а у нихъ — никогда.

Когда я подѣлился своимъ открытіемъ съ Несвицкимъ и прапоромъ, они были очень обрадованы.

У.

Въ нашей Кавказской гренадерской бригадѣ много тумечевъ: а въ ротѣ капитана Заплетухина ихъ, право, не меньше половины состава. Это исключительно храбрый народъ — и какой-то особенный.

Вглядываясь въ ихъ отношенія къ ротному, я и тутъ обнаружилъ признаки нѣкотораго своеобразія.

За одиннадцать мѣсяцевъ участія бригады въ бояхъ и походахъ наша рота успѣла смѣнить четырехъ командировъ.

Всѣ они были людьми различного склада, различныхъ привычекъ и разнаго толка въ военномъ искусствѣ.

Первый былъ строгимъ, корректнымъ: настоящий „моментъ“, какъ у насъ называютъ штомцевъ Академіи Генеральнаго Штаба. Пробырь, пушистые усы, свѣжкія перчатки, янтарный мушкетъ и запахъ духовъ, — вотъ изъ чего составлялось поверхностное представление о его вѣжливости.

Съ внутренней стороны это былъ жесткій, сухой человѣкъ, книжнаго типа нѣмцовой для вѣхъ положеній готовая формула и оперирующій живымъ матеріаломъ въ полномъ согласіи съ классическими образцами, почерпнутыми изъ учебниковъ тактики. Дѣй ему дивилія, корнуса, или цѣлую армію, онъ и тутъ останется самимъ собою: не растеряется, не усомнится въ своихъ способностяхъ, не испытаетъ ни разу ни колебаній ни страха передъ сурьезной отвѣтственностью: просто и хладно приметъ

оперировать величинами больше кружка порица и въ предположеніяхъ задачахъ, онъ ни на шагъ не отступитъ отъ классическихъ формъ, взятыхъ на этотъ разъ изъ учебника стратегіи.

Такихъ въ нашей арміи много. Это хороший и нужный матеріалъ: честный и твердый, умѣющій всегда и вездѣ приложить запасъ свѣдѣній, почерпнутый въ богатыхъ сокровищницахъ Николаевской Академіи. И если и можно упрекнуть въ чемъ-нибудь офицеровъ такого типа, такъ это въ одномъ: всѣ они невидуютъ культъ великаго коренника, и рѣдко какой изъ нихъ съ перваго курса не носитъ уже гдѣ-то въ самыхъ пѣтрахъ души своей смѣлкой и тайной надеждой завоевать цѣлый міръ.

Нашъ поклонникъ вѣликаго коренника до послѣдней минуты былъ спокоенъ и гордъ: въ атаку ходилъ въ свѣжкихъ перчаткахъ и былъ раненъ въ горло напавъ въ ту самую минуту, когда, скрестивъ на груди руки, ловилъ подходящій „моментъ“, чтобы бросить мѣсь во флангъ батальону австрійцевъ.

Вѣчная ему память!

Второй командиръ былъ горячий и пылкій, какъ порохъ. Грузинскій князь — милый и честный товарищъ и прекрасный солдатъ.

Солдаты прозвали его „фугасъ“.

Зарвался подъ Красникомъ, очертитъ голову, и не стало „фугаса“ Третій носилъ длинную рыжую бороду, не пилъ, не курилъ, пѣлъ псалмы и вѣчно молчалъ, когда нынѣшняя возможность со-браться и поболтать.

Съ холодныхъ голубоватыхъ глазахъ его было что-то „не отъ міра сего“.

Ранили его подло и страшно — разрывной пулей. Умеръ онъ въ полномъ сознаніи, перенесъ безъ единого слова цѣлыя сутки мученій.

На смѣну ему дали Синицына.

Этого контузиро недѣлю спустя послѣ принятія роты.

Какіе это были различные люди, какъ разное смотрѣли они на

дѣло, и какъ совершенно по-разному относились къ нимъ

наши кавказцы: коренника

боялись, грузинскаго князя

любили, рыжебородаго капи-

тана съ потусторонними гла-

зами безобидно вышучивали,

а съ Синицынымъ держали

себя запросто, словно со сво-

имъ человѣкомъ.

И, можетъ-быть, это пока-

жется страннымъ для людей,

не знакомыхъ съ военными

буднями, — сущность этихъ

отношеній къ различнымъ

начальникамъ неукоснительно

сказывалась на самомъ ха-

рактерѣ дѣлъ, проведенныхъ

подъ тѣмъ или инымъ руко-

водствомъ.

Непосвященному человѣку

едва ли понятно, какъ это

одинъ и тотъ же рядъ дѣй-

ствій, происходящій всегда

въ опредѣленномъ порядкѣ и

строго исчерпываемый на-

личностью однихъ и тѣхъ же

окружающихъ условій, мо-

жетъ давать въ зависимости

отъ характера и духа коман-

дующаго совершенно различ-

ные результаты.

А между тѣмъ это такъ.

Солдаты всегда вели себя

честно и самоотверженно:

никто не посмѣетъ имъ бро-

сить упрека въ недостаткѣ

самопожертвованія и муже-

ства.

И все-таки при коренникѣ

въ каждой атакѣ чувствовался

прежде всего „маевръ“, при

князѣ бой былъ поистинѣ

„боемъ“, при рыжебородомъ

въ глазахъ стояла всегда нѣ-

мая, холодная жертва, а при

Синицынѣ шла взаимная

братская вырочка.

И это ощущали не только

Несвицкій и я, но и въ про-

стыхъ перестрѣлахъ солдаты,

ведущихъ вечерами въ око-

пахъ, я находилъ цѣлкомъ

подтвержденіе своимъ мы-

сляніямъ.

Тѣмъ интереснѣе было мнѣ

теперь, при Виноградовѣ, раз-

глядѣть: чѣмъ особеннымъ, новымъ, отбитымъ наказы въ душѣ у себя пятую по счету вѣрному командованію?

А?

Яснымъ морознымъ утромъ, когда мы съ Несвицкимъ пооче-редно слѣдили въ бинокль за участкомъ нѣмецкихъ окоповъ, я подѣлился съ поручикомъ моими мыслями.

Онъ долго молчалъ, не отрываясь отъ Цѣиса, потомъ передалъ его мнѣ и сказалъ:

— Да, это очень занятный вопросъ. Я самъ о немъ думалъ. Знаете, какъ они окрестили его?

— Знаю, Дыриванный Нога!

Несвицкій улыбаются.

— Я нашихъ людей знаю въ достаточной степени. И кажется мнѣ, что въ ихъ отношеніи къ попому командиру есть что-то отъ Купера.

— Какъ? — переспросилъ я, боясь ошибиться.

— Отъ Купера! Помните, въ дѣствіи: „Желѣзная Рука“, „Сте-кланный Глазъ“ и иное. Ну, такъ вотъ въ этомъ самомъ „Дыриванный Нога“, помимо опредѣленій по одному изъ существи-ныхъ признаковъ, я подѣлилъ и нѣкоторое содержаніе. И не кажется ли вамъ, что для нихъ, для Асланъ-Бека и прочихъ, этихъ горныхъ орловъ, не тронутыхъ по-настоящему нашей цивилизаціей, деревянная нога капитана есть нѣчто большее, чѣмъ это видимъ мы съ вами. Вы посмотрите, какими они голо-сомъ, съ какой мимикой, съ какимъ выраженіемъ произносятъ это самое „Дыриванный Нога“. Тутъ и таинственность, и страхъ, и почитаніе, и гордость кака-то. Да! Гордость! У насъ, молъ, ко-мандуетъ самъ „Дыриванный Нога“. И я не поручусь, что этой ногѣ они не приписали уже какихъ-нибудь особенныхъ свойствъ — страшныхъ, таинственныхъ, не лишенныхъ, пожалуй, божествен-наго начала. А? Вспомните, чѣмъ намъ самимъ казались въ дѣ-лскомъ дѣствіи всякіе „стеклянные глаза“ и „желѣзные руки“.

Я глядѣлъ на Несвицкаго изумленно открытыми глазами.

К. Стабровский. „Геймалъ“.

Чортъ, возьми! Да ведь это действительно так!

Мало того, наличие тѣхъ чертъ, которыя онъ только-что назвалъ простыми словами, честное слово, ощущались и мною. Но только я не сумѣлъ до конца продумать ее и довести до логичнаго вывода. Теперь же, когда этотъ выводъ сдѣланъ уже другимъ человекомъ, мнѣ словно открылся новый уголокъ действительности, странной и милой, немного смѣшной и трогательный по своей чистотѣ и наивности.

И то, что на этотъ внезапно открывшійся уголокъ придется еще смотреть много разъ, прямо-таки меня орадовало.

Словно сошлись двѣ какія-то грани во времени, выжавъ все промежуточное, наивное разсудкомъ, ученимъ, школой и жизнью: сошлись и свели выхваченное далекое дѣтство, разубрашенное богатыми красками своей и чужой фантазіи, и теперешніе суровые дни, нескладно припавшіе въ себя вмѣстѣ съ ногой капитана всѣ элементы таинственности, чудесности и красоты — родной, знакомой и милой.

Вотъ такъ сюрпризъ! До чего же крѣпко заложена въ человека эта жемчужина сказочной красоты, если она нашла себѣ бытіе даже въ мерзломъ окопѣ восьмой роты, въ обстановкѣ, отнюдь не располагающей къ празднымъ мечтаніямъ.

VI.

Послѣ одного изъ нашихъ обычныхъ ударовъ „на короткѣ“ въ деревянной ногѣ капитана оказалось двѣ пули.

Неизвѣстно какинъ путѣмъ все ротѣ узнала объ этомъ.

Не прошло трехъ часовъ, какъ количество пуль унятирилось.

— Десять пуль! Сами выдѣли! — клялся отчаянно Асланъ-Бекъ и тѣмъ хлѣбъ въ доказательство искренности своей клятвы.

Десять пуль и ушей въ дырявый носъ стучалъ! — пошелъ таинственный шопотъ изъ края въ край по окопу.

Кавказцы сверкали глазами и значительно покачивали головами. Мы съ Несвицкимъ сдѣлали за ними и радовались, какъ малые дѣти.

Ночью мнѣ показалось душно въ землянкѣ, и я высунулъ голову въ окопъ.

Въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣли на корточкахъ нѣсколько человекъ и слушали.

— Це-це! — прищепкивалъ языкомъ кто-то невидимый.

— Вотъ шайтанъ кирчалъ: „давай суды капитанъ, ми изъ его борода баштыкъ-маштыкъ събѣ дѣнать будытъ“, а Аллахъ кирчалъ: „бульна якиши капитанъ! Такой капитанъ мнѣ самому пада!“ Стали немощки тащить капитана. Аллахъ руками биралъ, шайтанъ ногами биралъ. Адынъ сырчалъ, другой сырчалъ.

— Це-це! — щекинуть опять языкомъ кто-то невидимый.

— Почти увязъ на Аллахъ ношелъ! Адынъ нога видиргалъ, шайтанъ!

— Це-це! — сичувственно щелкнуло нѣсколько сразу.

— Вотъ Аллахъ гаварилъ ему: „бульна ты якиши чапыжъ, капитанъ! Ми тибѣ дырявый нога дѣнать будытъ. Такой нога, усь пули на ему пойдеть! Десять пуль! Двадцать пуль! Гуайя, капитанъ, на свой дырявый нога! Ни адынъ рана ны будытъ!“

Разскачикъ помолчалъ съ минуту, потомъ грозно добавилъ:

— Когда сто пуль будытъ, нога живой илдеалантъ!

Я потихоньку убралъ свою голову и пробрался обратно въ землянку.

Капитанъ мирно похрапывалъ въ уютѣ, завернувшись въ походную бурку; ближе ко мнѣ крѣпко спали Несвицкій и прапорщикъ.

Знать ли намъ новый начальный о томъ, какіе разсказы идутъ по окопу о его деревянной ногѣ?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Талисманъ.

Рассказъ Георгія Павлова.
(Окончаніе)

V.

Передъ подъѣздомъ огромнаго дома на Фридрихенштрассе, угрюмаго и холоднаго, какъ тюрьма, лейтенантъ Токири Мійято столкнулся лицомъ къ лицу съ Генрихомъ Фердовымъ, сядившимся въ экипажъ.

— Очень радъ видѣть васъ, господинъ Токири. Вы идете къ намъ? Я извинюсь, меня экстренно вызвали по телефону, но Рита дома и будетъ очень довольна вашимъ визитомъ. Она сегодня не въ духѣ — все нервы, нервы, — разсѣйте ее разсказами о Японіи, которую она такъ любитъ.

— Мнѣ было бы очень приятно...

— Я возвращусь скоро. Надѣюсь, что ни вы ни она не будете скучать въ моемъ отсутствіи.

Поднимаясь по лестницѣ, Токири Мійято улыбался своей загадочной азиатской улыбкой. Его дѣла шли хорошо. Перпалъ часть программы, возложенной на него, была уже выполнена: 42-сантиметровыя орудія, только-что появившіяся подъ Льежемъ и вызвавшія восторженное изумленіе въ Германіи, были давно извѣстны японскому военному ведомству. Благодаря донесеніямъ Токири, падъ расшифрованіемъ которыхъ тщетно ломали голову чины берлинской телеграфной цензуры. Оставались планы Цинцао — но эта задача была значительно легче первой. Лейтенантъ Токири зналъ, гдѣ искать ихъ.

Госпожа Фердовъ принимаетъ?

Горничная провела его въ гостиную. Онъ ждалъ недолго: рядомъ слышались знакомые торопыжные шаги, и Рита появилась въ комнатѣ вмѣстѣ со своимъ ароматомъ фиалокъ. На ней были

изысканный капотъ, очень скромный по своему покрою и очень прозрачный, потому что былъ сдѣланъ изъ кружевъ. На этотъ разъ она казалась блѣднѣе обыкновеннаго, и вѣки ея были сильно напудрены, какъ будто она хотѣла скрыть слѣды недавнихъ слезъ. Но она улыбалась, протягивая гостю обѣ руки, и эта улыбка была искренней и радостной.

— Господинъ Токири! Какъ это мило съ вашей стороны. Вы совсѣмъ пропали послѣ нашей прогулки, — я уже думала, что совсѣмъ забыта...

Нѣтъ, онъ не забытъ — не могъ забыть. О, эта прогулка вдвоемъ по бульварамъ Берлина! Темныя улицы, обрывки фразъ, мимолетныхъ, незначительныхъ, прерываемыхъ полными трепета наизусть; прикосновеніе нѣжной руки и волнующая прелесть ожиданія возможной встрѣчи съ мужемъ. Теперь онъ опять стоялъ подлѣ этой женщины, наединѣ съ нею, послѣ двухдневной разлуки, показавшейся ему вѣчностью, — разлуки, во время которой онъ понималъ, что образъ Риты, такъ незаметно вошедшій въ его душу, запечатлѣлся на ней глубокими и рѣзкими чертами.

То было опасный моментъ. Но Токири вспомнилъ о томъ, что не только зарождающаяся любовь приводитъ его въ этотъ домъ, тайну котораго онъ долженъ былъ похитить. Зачѣмъ онъ здѣсь сейчасъ, зачѣмъ не вернулся назадъ послѣ встрѣчи съ Фердовымъ? Его задача трудна, но для ея облегченія онъ не хотѣлъ пользоваться обманчивой ролью влюбленнаго, — онъ, самурай и потомокъ даймйосовъ Токири. Если онъ полюбитъ Риту, тѣмъ хуже для него, потому что она слабая женщина и жена его врага. Онъ сдѣлался сдержаннымъ, осторожнымъ, почти холоднымъ.

— Я встрѣтилъ сейчасъ вашего супруга передъ подъѣздомъ...

— А! Вѣроятно, вы шли къ нему по дѣлу и согласились, изъ любезности, посидѣть со мной: вы очень корректны, благодарю васъ...

Въ ея словахъ звучали интонаціи обиды и разочарованія. Токири протестовалъ болѣе рѣшительно, чѣмъ требовала простая вежливость. Его самообладаніе опять измѣняло ему, онъ былъ опять не ниппономъ передъ своей жертвой, онъ былъ только мученикомъ, влюбленнымъ въ прелестную женщину.

— Клянусь вамъ, что нѣтъ, фрау Рита. Мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами, ничего больше. Помните, на „Тристанѣ“ вы сказали однажды, что видите во мнѣ звено между вами и Японіей. Я не смѣю сказать о себѣ того же...

— Не смѣете? Почему?

— Сударыня, мое глубокое уваженіе къ вамъ...

Онъ подыскивалъ на чужомъ языкѣ слова, такія далекія отъ такническихъ терминовъ, съ которыми онъ привыкъ обращаться болѣе свободно. Онъ говорилъ съ ней по-японски и торопился перевести точнѣе и красивѣе испитія, для которыхъ не находилъ подходящихъ выраженій на этомъ холодномъ и жесткомъ языкѣ, похожемъ на звонъ стали.

Рита засмѣялась судорожнымъ смѣхомъ, злобнымъ смѣхомъ начинающейся истерики.

— Уваженіе ко мнѣ? Да развѣ такихъ, какъ я, уважаютъ?

Онъ хотѣлъ возражать, но она остановила его жестомъ, полнымъ отчаянія, и заговорила опять съ лихорадочной быстротой, какъ въ бреду:

— Простите меня. Это неделикатно, я не должна, не смѣю ничего говорить вамъ — чужому... Но мнѣ такъ тяжело, я такъ одинока, подлѣ меня нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы подѣлиться моимъ горемъ.

— Говорите, говорите, прошу васъ...

Вы знаете, что было сейчасъ, за нѣсколько минутъ до вашего прихода? Онъ меня билъ. Да, да... Здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ вы съ такимъ уваженіемъ поцѣловали мою руку, этотъ грубый, жестокий человекъ ударилъ меня — женщину. Вы

К. Стабровский. Радуга—врата новой жизни.

хотите знать, за что? Я скажу вамъ, но вы не повѣрите. Я — французка...

И она зарыдала, уронивъ голову на руки. Токири стоялъ, какъ пораженный громомъ, французка... Такъ вотъ что значили ея неестественная веселость и мгновенные переходы къ такой же безпричинной грусти: вотъ какую тайну хранила она въ душѣ, обреченная на ужасную жизнь съ врагомъ-мужемъ.

Не говоря ни слова, Токири наклонился надъ плачущей Ритой. Эти нѣсколько фразъ, безсмысленныхъ, произнесенныхъ, прерывавшихся голосомъ, рѣшили его судьбу. Его врагъ былъ также и врагомъ, ихъ не раздѣляло больше ничто. Этой несчастной, оскорбленной, опозоренной женщиной было нужно, какъ воздухъ, то, чего минуту назадъ онъ не смѣлъ предложить ей. Тамъ, въ замочкѣ онъ во имя благородства и гордости, заговорила сама судьба — онъ не хотѣлъ противиться ей.

Мягкимъ и сильнымъ движеніемъ, полнымъ безконечной нѣжности, Токири Мійято обнялъ едва прикрытыя кружевомъ плечи, содрогавшіяся отъ рыданій, и прижалъ голову молодой женщины къ груди, какъ будто принимая ее подъ свою защиту и покровительство.

Она не сопротивлялась.

VI.

Автомобиль безшумно катился по уединенной аллѣ парка. Темный осенній вечеръ, фонари Берлина освѣщали дачку по-задн. Маленькая латочка освѣщаетъ внутренность экипажа, букетъ чайныхъ розъ, приколотый къ сѣнѣ, и двѣ головы, тихо соприкасающіяся устами. Рита Фердовъ, откинувшись назадъ, прильнула всею тѣлою къ плечу своего друга, котораго не ждала еще вчера: глаза ея сияютъ, она счастлива, весела — ей не надо больше притворяться ни радужной ни печальной.

— Милый, милый, радость моя, жизнь... Знаешь, я почти вижу все это. Почему теперь печаль? Я хочу, чтобы намъ съ тобой сдѣлало солнце. А ты еще прищипываешь въ тѣни... Милостивый государь, или у васъ нечиста совѣсть? Сиди, сиди, я пошу-

тиза: не двигайся, ты устал, я тебя замучила своими объятиями. Так я еще ближе чувствую твою душу, твоё благородное прекрасное сердце... Отчего ты все время молчишь? Ах да, ты не умеешь быть нежным на нашем языке, я забываю... Все равно, говори по-японски, я пойму тебя. Или нет? Не говори ничего, только цылуй меня, цылуй крепче... Еще крепче... Слушай... Что я хотела сказать? Да: я полюбила тебя с первого взгляда — тогда, на пароходе. А ты?.. Правда?.. Ты меня не обманываешь?

Она порывисто обняла его под лучом фонаря, любовно заглянувшему во внутренность экипажа. Автомобиль мчался по улицам предместий, мимо мелькали спящие дачи в зелени своих садов. Рита выпрямилась.

— Теперь надо быть напуганными — нас могут увидеть. У меня так много знакомых в каждом закоулке Берлина. Фрау Ферлов знает все: еще бы — ведь мой супруг приехал к ней в дом, это для немцев кое-что значить. Ах, как мне опротивело все здесь, если бы ты знал! Уйдем-ка вместе с тобой в Японию. Ведь ты можешь уехать, правда? Счастливый, ты свободен и не связан ничем...

Токири осторожно выводит свою руку. Ему казалось, что он идет по узкой дорожке между острями мечей, угрожающих ему отовсюду.

— Нет, я еще не совсем свободен, дорогая. Ты знаешь, я приехал сюда не для развлечения. У меня здесь дела, и очень серьезные. Быть может, события примут такой оборот, что Япония окажется вынужденной примкнуть к тройственному соглашению...

Рита замахала руками.

— Ах, перестань, ради Бога... Какое мне дело до этого! Ты

В Черном море.

Один из наших, славных миноносцев, уничтожающих турецкие парусные и паровые суда, пытающиеся поставить уголь и предметы снабжения из Малой Азии в Константинополь.

В Черном море. Обстрел портовых сооружений в Эрегли нашими миноносцами Д. Видны удачные попадания.

думаешь, Генрих мало надобает мне этой попойкой? Я не могу больше слышать ничего о политике. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была мной и со мной, остальное меня не интересует. Ты улыбаешься? Ты думаешь: бедная маленькая Рита, как она плачет... Что делать, сударь — берите меня такую, как есть.

Она опять крепко стиснула его руку. Лейтенант, продолжая улыбаться, слегка поморщился от боли: застывшая браслетка повисла в его занятии, из-под рубиновой подвески выступила капля крови.

— Что это? Я уколола тебя? Но у меня нет никаких булавок... Ах, это твой браслет... Вот видишь, какой ты глупый: разве можно носить вещи, которые царапаются. Давай, я тебя сейчас вылечу.

Наклонившись к его руке, она вытаскивала кровь из укола. Токири молча смотрел на ее обнаженную шею и завилки блондуры, понося, переходившие в густую массу янтарного цвета, такую тяжелую и благоухающую. Рита выпрямилась, глаза ее блеснули.

— Знаешь, твой браслет очень красив. Но разве мужчины носят у нас такие украшения? Это женская игрушка. Благородное золото, великолепная отделка, а рубины — прямо драгоценность.

Токири разогнул браслет и надел его на полную руку молодой женщины. Она смотрела на него молча, широко открытыми глазами.

— Что это ты делаешь? Хочешь прибить мне?

Застегнув браслет, Токири поднял ее руку и любовался сочетанием золота, драгоценных камней и атласистой блонды.

— Этот браслет был дорог мне, Рита, — сказала она с волнением в голосе. — Это не просто драгоценность: это талисман, освещенный в буддийском храме и предохраняющий от зла и горя того, кто получил его в дар любви. Пусть он принесет тебе счастье. Его дата мне на прощанье женщина, которую я люблю.

— И ты даришь его мне? Ты ее больше не любишь?

— У меня только одно сердце, и я могу любить только одну. Автомобиль остановился у подъезда загородного ресторана, они вышли. Отдельный кабинет ждал их, уединенный, обставленный в японском стиле, очаровательный приют любви и наслаждения.

VII.

На другое утро Токири проснулся гораздо позже обыкновенного — около десяти часов. Он спал душно, ему снились тревожные сны. На столике у кровати, освещенном красным свечом ночника, который он забыл погасить с вечера, стоял портрет О-Ники-Саня, повернутый лицом к стене. Он взял этот портрет и долго смотрел на него.

Да, это была она, улыбающаяся, любящая, влюбленная. Такого он видел ее сейчас, в смутном тяжелом сне перед разветом. Она пришла к нему из своего зеленого миноно, пришла из глубины тьмы без образов и звуков, населенной ужасами и тайнами. Ее уста улыбались с нежностью, но глаза несли браслет на руке жениха, и до сих пор, поэт пробуждения, он чувствует жгучую краску стыда, проступившую под этим безмятежным укоряющим взглядом, и снова ощущает невольный трепет при звуках таинственного голоса, прозвучавшего ему из мрака, желанного невозможного голоса. напоившего его смутным и ужасом: «данный с любовью, этот талисман охраняет от горя и зла, но памятник — он убоится»...

Токири поставил портрет на стол и пропел пальцами по глазам. Да, он был нежен. Вчерашняя бурная ночь, полная наслаждений, пронеслась, его душа была холодна, как пасмурный день после отпущившей грозы. Он был нежен. Малоушино, почти без борьбы, он нарушил свое слово мужчины и самурая. Образ Риты мелькнул на мгновение перед ним, ее изгибы тела, ее руки, которые так легко, с таким легким движением вращались вокруг его шеи и ароматы ее нежных, обман-

В Черном море. В погоню за „Гебеном“. Отряд миноносцев.

чивых духов. Но этот образ, такой востаный, почти всемогущий вчера, сегодня был далеко от его души и не вызвал в нем ничего, ни волнения ни желания. Он был обманут — так мстила любовь тому, кто обманул сам.

Весь день Токири думать о своей невесте. Страшный сон преследовал его, давил своей тяжестью, мучил. Ему казалось, что он оравен. К вечеру в нем созрело решение: он должен взять талисман обратно, и скорее, — сегодня, сейчас же. Он чувствовал, что, пока браслет не займет своего места на его руке, он не будет в состоянии ни думать, ни работать, ни даже владеть собою. А между тем его мысль и воля должны быть свободны: в его распоряжении оставалось немного времени, и планы Цинцао еще не лежали в секретном ящике его стола. Токири Мийао уныло до поздней любимой двинулся, но измученный перед родиной он все же не будет.

В дом на Фридрихсштрассе лейтенант молча прошел мимо погруженного в газету портю и поднялся в белых тапках, не прибегая к лифту. Рита не ждала его сегодня, накануне он сказал ей, что занят, но это хорошо: чтобы меньше она подготовлена к предстоящему объяснению, тем лучше. Дверь отворилась легко, очевидно, ее забыли затворить на замок. В прихожей никого не было. Своей мягкой бесшумной поступью лейтенант прошел перед портю, из-за которой доносился дуэт мужского и женского голоса. Рита Ферлов разговаривала со своим мужем. Токири узнал хриплый голос инженера.

— Я так и думаю, что этим кончится, — говорил Ферлов.

этим шканитным анекдотом. Но теперь ему не до того. Он жаждал слушать, боясь пропустить хотя бы одно слово.

После обстрела береговых батарей у Архавы. Из Батума в Хопу. На первом плане — верхушка двойного минного аппарата.

— Разумеется, — продолжал Ферлов: — этот моментный миг и раньше, что я был в Цинцао, и кое-что вынес оттуда. Надо ему отдать справедливость — он очень осторожен. Другой на его месте прямо обратился бы к тебе за содействием.

— Я уверена, что он еще это сделает.

— А я сомневаюсь. Мне кажется, что он начнет с меня. Окопанные мужья всегда бывают доверчивы с теми, кто наставляет им рога, но на этот раз желтая обезьяна ошиблась. Планы Цинцао всегда со мной, в моем бумажнике, с которым я не расстаюсь даже ночью. Ему будет трудно нырять из отсюда, а нам надо позаботиться о том, чтобы господин Токири не ушел из наших рук. Было бы хорошо, если бы ты предложила ему помощь. Если он согласится, возьми у него перечень тех бумаг, которые его интересуют, разумеется, написанный по-японски.

— А если не согласится?

— Все равно, так или иначе я его пойму. Ты — молодец, Рита: и тобой доволен. Ну, поди, поцелуй меня, моя маленькая союзница.

Звук поцелуя. Пауза, потом мелодичный голосок Риты звенит с интонациями ребенка, которого похвалили, и который просит награды:

В Черном море. Обстрел угольных станций у Зунгулдана.

Так помни же, Генрих, — ты обещаешь, что я буду припята при дворе. Непременно. Я трудилась не даром. Подумай сам, какой эффект произведешь среди этих жеманных сухопарых мумий Рита в вечернем туалете с открытой шеей...

— И с этим драгоценным браслетом едобавок...

— Да, это хорошенькая вещица. Но все-таки ты должна переманить и другое свое обаяние — относительно колье, которое мы видели. Помнишь? Мне кажется, я его заслужила...

Они поцеловались. Ферлов встает, с шумом отодвигая свое кресло.

— Ты уже уходишь?

— Да, мне пора. Будь любезной и нежной со своим поклонником. Но только... Голос его звучит ревностью. — Я падлюсь. Рита, что ты не позвонишь себе ничего лишнего. Не забывай, что ты моя жена, которую я очень люблю.

Генрих... Неужели я заслуживаю, чтобы мне напоминали об этом? Я забочусь о тебе и твоих интересах, но мои чести...

Ее честь!.. Лейтенант беззвучно смеется в своей засаде. Шаги по ковру; Токири замрастает, укрывшись за портьерон. Он не опасается быть замеченным: в комнате темно, а Ферлов спит, и, навстречу, пройдет, не оглядываясь. Опять бонсе, что не выдержит и бросится на инженеря сзади. Ишь, этою нехизя еще саншком рано...

Ферлов появляется в дверях и быстро исчезает в других. Момент тишины, потом за портьерой звучат другие удаляющиеся шаги: Рита уходит в свой будуар.

Лейтенант остается один. Рядом окно открыто, видна поточная труба. Комната в белых стенах; внизу сад, выходящий в переулок. Токири воображает все в одно мгновение, быстрого, как мысль. Проходит еще минута — в комнате уже нет никого.

VIII.

Генрих Ферлов откинулся на подушку автомобиля:

— Потеем, дворец. Живее!

Автомобиль полетел, как стрела. Сидя на мягком диване, Ферлов с довольным видом курит свою сигару. Его план, задуманный хорошо и доведенный до совершенства, вырабатывался за эти два дня после разговора с Ритой. Он нарочно не поднимал тревоги раньше времени: тем эффективнее выйдет финал. Сейчас, у военного министра, он мог бы сделать несколько многозначительных намеков на интересны события, которые должны разыграться в ближайшем будущем: предостичь как раз обсуждению секретных донесений о возможности конфликта с Японией. Но ишь, лучше воздержаться до поры до времени и от этого. Пусть поимка Токири будет сюрпризом даже для императора: его величество любить театральные эффекты и навстречу будет очень доволен.

Как однако пахнут эти цветы... У Риты смущенная привчка обращать автомобиль в какой-то двитик. От этого запаха положительно кружится голова, как будто он выпил лишнее.

Да, это великолепно. Еще на пароходе японцы показались ему подозрительным. Было бы очень глупо, если бы он поддавался

тогда зарождавшемуся чувству ревности и прервал его гендезю в с Ритой. В Гамбург эти потозрания подтвердились. Как великолепно поставлен германский шпионаж! Благодаря ему, против пригрозенной японцем удались вовремя выдвинуть контр-мещу, теперь успешно обезпечены.

В Черном море. Стрельба по турецким складам в Эрегли. У орудия на миноносце.

В Черном море. Фелюга со съестными припасами „подгребают“ к нашему миноносцу.

Провести, как глупого мальчишку, японского офицера, командированного Токийским министерством, это не так-то легко. Конечно, много значить также иметь такого неопытного помощника, как Рита. Француженка!.. Рита — француженка: это она выдумала сама, своим женским умом — и как удачно выдумала, плутовка.

Ишь, надо распорядиться, чтобы убрал эти цветы. Это становится несносным: в экипаже можно буквально задохнуться. И какой странный запах — приторный, фидий, противный. Можно бы выбросить их сейчас, если бы не лень пошевелиться. Какая глупость! Стоить только протянуть руку...

Что это? Он не может сдвинуться. Все члены точно палились свинцом, в ушах шумит, колеблющийся туман застилает глаза. Отяжелевшая голова склоняется на грудь. Целый рой видений обступает его со всех сторон: точно во сне, он видит мелькающие образы, какие-то странные лица кивают ему, наклоняются близко, заглядывают в глаза, смеются и исчезают среди проплывающих облаков и дрожащих свитовых пятен всех цветов радуги. Целая симфония таинственных звуков оглушает его: как будто над хором кувшинок выдвигаются мелодические звуки пилы, пение, доносящиеся издали, мимолетный лукавый смех, сквозь который глухо прорываются его стоны. Он не понимает, что с ним. Отчаянием усиливает воли, уже засыпая, он заставляет себя поднять голову, и среди роя призраков видит в тумане заглядывающее из оконца автомобиля лицо и глаза, сверкающие, как угли.

Он узнает эти глаза. Помогите! Спасите!

Ни звука не вылетает из его груди. Ужас гаснет в нем так же мгновенно, как зародился, уступая место тупому мертвому безразличию. И, обращаясь в тяжелую неподвижную массу, скованную сном, он не слышит, как открывается дверца остановившегося автомобиля.

IX.

Рита поспешно поправила перед зеркалом смуглую прическу, — она лежала на диване с напиромой, — смочила губы, подобрала кончики пальцев и впрорхнула в гостиную. где лейтенант Токири прохаживался взад и вперед, ожидая ее появления.

— Мой дорогой! Ты хорошо выбрал время: „мой супруг“, как ты выражаешься, уехал в Потеем, на совещание к военному министру. Ты доволен, правда?

Токири улыбнулся, потирая руки.

— Разумеется, хотя у меня тоже мало времени, и я не долго задержу вас. Я приехал к вам с маленькой просьбой: верните мне браслет.

Рита нахмурилась и слегка покраснела. Она ни на минуту не подумала о том, что ее возлюбленный мог узнать что-либо: она почувствовала только обиду женщины.

— Что это значит? Вы разлюбили меня, да? Я не знаю никаких японских обычаев, но у нас, на Западе, подарки не отнимают даже при разрыве с любимой женщиной. Я надеюсь, вы не могли бы сказать мне это прямо.

Она говорила то, что думала. Трудно было бы не сказать более „просто“ с его стороны, но такая логика женщины: она не признает посылок слаганья и хочет иметь дело только с выгодами.

— Мне очень жаль, но все же я попрошу вас сделать это.

— Милый! Ты меня больше не любишь.

В Черном море. Потопление большого двухмачтового парусного брига.

новым оскорблением. Красные пятна выступили на ее щеках, она больше не могла владеть собою.

Если вы думаете, что я очень огорчена этим, милостивый государь, то сильно ошибаетесь. Как умный человек, вы понимаете, почему, что такой любовник едва ли может рассчитывать на особенно прочную привязанность женщины — европейской женщины, конечно. Вы возбудили во мне любопытство, теперь удовлетворенное, вот и все. Ваша невеста в Токио, быть-может, покончила бы с собой посредством хакари из-за вашей измены, а этого, к сожалению, не сделаю.

Токири встал. Его глаза были опущены, он казался спокойным. Легкое дрожание покачивающихся мускулов, почти незамечное — ничего больше. Он даже не возвысил голоса.

— Я только хотеть предупредить вас, сударыня: этот талисман охраняет себя, кому дан с любовью, но изменники он убивает.

Тем лучше. Вы изменили мне, а я не хочу, чтобы талисман убил вас — подумайте, ведь тогда ваша невеста должна будет вскрыть себя живую. Она пошла к дверям, давая понять, что разговор кончен. Японцы не двинулись. Обернувшись в дверях, Рита бросила ему на прощанье:

Неужели ты настолько глуп и не понимаешь, что подаренных драгоценностей не отнимают...

В два прыжка Токири очутился под ее ногами. Внезапно замолчала, она откинулась назад, в ужасе: на нее в упор смотрели страшные сверкающие глаза.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЪ“.

Въ виду запросовъ гг. подписчиковъ о времени разсылки бесплатнаго приложения къ „Нивѣ“ 1916 года — двухъ новыхъ картъ военныхъ дѣйствій: 1. Западно-европейскаго фронта и 2. Западнаго русскаго фронта, считаемъ необходимымъ заявить, что нами приложены всѣ усилія къ ускоренію ихъ печатанія. Но затрудненія при приобритеніи потребнаго для этихъ картъ большаго количества бумага и необходимость исключительно тщательнаго печатанія значительнымъ числомъ красокъ огромнаго количества экземпляровъ задержали разсылку этихъ картъ, предполагавшуюся нами въ январѣ.

Въ настоящае время всѣ эти затрудненія устранены, и печатающіяся нынѣ безъ задержки карты будутъ разосланы: первая не позже конца февраля, а вторая не позже первыхъ чиселъ апрѣля сего года.

Считаемъ нужнымъ довести до свѣдѣнія гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“, выписавшихъ также и первую серію сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка, приложенъ при „Нивѣ“ 1915 г., что все количество перваго изданія сочиненій этого автора уже разошлось, и мы вскорѣ приступимъ къ новому ихъ печатанію. И здѣсь намъ приходится считаться съ препятствіями, возникшими изъ-за переживаемаго бумажнаго кризиса, въ виду которыхъ печатаніе первыхъ 18 книгъ соч. Д. Н. Мамина-Сибиряка пойдетъ замедленнымъ темпомъ.

О времени выхода этихъ сочиненій въ свѣтъ будетъ нами объявлено.

В Черном море. На миноносце у орудия.

Да, преступник успел скрыться. На палубе норвежского парохода направляющегося в Равмо, лейтенант Токири Мийято стоит, задумчиво глядя на исчезающий в тумане маяк Гамбурга. Он, сдвигая свое тело и возвращается домой к невесте, которая поймет его потому что она мудра, как всякая японская девушка, и простит, потому что любит. В кармане лейтенанта покоится желанный бумажник с планом, и на руке его блестящий браслет. О-Никки-Сан, снова занявший свое место, талисман, одаренный таинственной силой, оберегающий тех, кому дана любовь, познание и кохрства, и безопасно карающий изменников.

И Токири Мийято задумчиво смотрит на этот драгоценный талисман, с которым уже не расстанется никогда.

Дневник военных действий.

Н. Шумного.
Опасения англичан.

В то время, когда стало уже вполне ясно, что английский флот достиг необходимого превосходства на море, и что в связи с этим обеспечены находящиеся в различных частях света владения Великобритании, совершенно неожиданно английскому правительству в память обиды, быть может, впопыхах, «Может ли адмиралтейство гарантировать, что английский флот считается с возможным усилением германского флота, как численностью судов, так и качеством орудий, за время его бездействия?» Таким образом у англичан возник вопрос о том, не усиливается ли Германия тихоокеанской своей флотом настолько, что это может угрожать господству англичан на морях, а вместе с тем и неприкосновенности многообразных и многочисленных владений Англии.

Действительно, обе стороны в течение войны ни на минуту не прекращают своей судостроительной деятельности, почему такой вопрос, не может ли догнать Германия Англию в течение настоящей войны числом судов, вообще допустим. Такая перспектива могла бы грозить всему существованию английской монархии, и, сколь ни мало вероятно подобное усиление гер-

манского флота, тем не менее важность вопроса требует особенно внимательного к нему отношения.

Нельзя забывать, что немцы за последние десятилетия развили крайне энергичную судостроительную деятельность, и что незадолго до войны англичане не могли уже осуществлять то правило, которому они следовали, а именно быть сильнее двух морских держав, самых сильных на море после них.

Поэтому тревога английского общества была не совершенно безосновательна, и опасения, что немцы могут построить за время войны много судов и добиться превосходства на море, о котором они так мечтают, не могли не возникнуть у англичан.

Кроме того, англичане, как видно из вопроса, заданного правительству в палате общин, безоговорочно также возможность появления у немцев на судах более мощных орудий, чем у англичан. Немцы, выстроившие 42-сантиметровую мортиру, почему-то весьма замечательными творцами в области техники, хотя большие калибры, как 12-сантиметровые, абсолютно не доказывают технических способностей немцев. Такие, например, 42-сантиметровые мортиры были еще в 90-х годах у итальянцев, а в других странах были 14-дюймовые пушки, т.е. 35-миллиметровые, но эти пушки были много хуже современных орудий меньшего калибра, например, 10-дюймовых.

Вообще разрушительность пушки далеко не зависит от калибра, ибо калибр обозначает только толщину снаряда, между тем как сила удара зависит от массы, помноженной на скорость. Масса же может увеличиваться, если снаряд будет длиннее, а если при этом увеличить скорость, то сила удара возрастет на очень много. Этим и объясняется, что орудия меньшего калибра, т.е. снаряды менее толстые, но зато более длинные и с большей скоростью полета, ударяют сильнее. Наконец, если снаряд такой снаряд с пыльным, взрывчатым веществом, то это еще более увеличивает разрушительность снаряда, хотя и меньшего калибра.

Однако эти обиды соображений мало заметны широким кругам публики, почему считается, что, тем более калибр орудия, тем оно лучше, и в связи с этим, многие склонны думать, что немцы имеют самые лучшие орудия.

Таким образом, опасения англичан, безосновательные за свое господство на море и за связанную с этим неприкосновен-

Город Гродна. Старинная церковь Каложа, поставленная в X веке. Фото В. Роначевой.

Город Гродна. Старинная церковь Каложа. Внутренний вид. Фото В. Роначевой.

ность своих владений в различных частях света, сводилась к двум предположениям: во-первых, не строить ли немцы такое большое число судов, что во время войны могут догнать англичан, а во-вторых, не строить ли они такие большие пушки, которые будут туше английских, и которые будут топить английские dreadnoughts, что тоже может повлечь потерю англичанами превосходства на море.

На этот тревожный вопрос Батфур, отвечая, что английские адмиралы делают все, что в их силах, и что более увеличить численность флота нельзя. Что же касается работ немецких, то, как заявляет Батфур, всякого рода предположения о том, что немцы строят много больших судов, относятся лишь к области догадок. Такой обычно неясный отзыв, какой обыкновенно дают представители правительства в палатах на некоторые запросы, не содержит в себе ни отрицания ни утверждения, почему оставляется широкое поле для всяких предположений. Однако сами немцы, в лице своего известного морского обозревателя капитана Персиуса, недавно весьма откровенно признались, что морское могущество Англии теперь уже несомненный факт, при чем доказали это цифрами.

Английский флот в начале войны насчитывал 59 линейных кораблей, 43 броненосных крейсера, 58 легких крейсеров, 86 миноносцев и 77 подводных лодок. В то же время у англичан находилось в постройке 16 новых линейных кораблей, 21 легкий крейсер и 28 подводных лодок. При этом англичане, хотя и понесли потери в судах в течение войны,

Старинная крепость в Луцьк (Волинской губ.).

Мыза близ озера Свентень. Единственная церковь, сохранившаяся в целости под градом неприятельских снарядов.

но потеряли исключительно старые суда, непригодные для морского боя между флотами. Из dreadnoughtов же и крейсеров-дreadnoughtов англичане не потеряли ни одного, что очень важно, так как основная сила флота определяется лишь dreadnoughtами. Как известно, современные dreadnoughtы представляют собою такое могущественное военное судно, что могут огнем своих орудий разбить прежние броненосцы, как фарфоровая чашка, при чем сами остаются почти неуязвимыми, благодаря своей сильной броне.

Если число этих основных единиц — dreadnoughtов и крейсеров-дreadnoughtов у англичан не уменьшилось, а лишь увеличилось на всего 16 строящихся dreadnoughtов, которые, впрочем, уже частью закончены, а частью заканчиваются, то у немцев положение много

хуже. Они потеряли 3 dreadnoughta, из которых один крейсер-дreadnought, «Ванхер», потонул. «Молитва» была подорвана в Балтийском море английской подводной лодкой, а «Фон-дер-Тап» столкнулся с другим германским судном и пришел в негодность. Вместе с этими тремя потерями крейсеров, из которых два, пока живы, могут быть еще исправлены, но в значительной степени потеряли свои боевые свойства, немцы строят в начале войны пять.

Таким образом, у немцев флот в начале войны мог вырасти на 1 dreadnought, тогда как у англичан на 16 линейных кораблей. К этому надо прибавить, что еще в начале войны англичане превосходили немцев числом dreadnoughtов без малого вдвое. Все это не дает достаточных оснований предполагать, чтобы немцы могли догнать англичан в числе основных единиц флота dreadnoughtов.

Мы не разбираем соотношения прочности судов — dreadnoughtов и крейсеров — старых броненосцев и др., так как эти суда значения в морском бою, где решается вопрос о господстве на море, не имеют. Впрочем, можно упомянуть, что потери немцев и в этих судах

Разрушения железнодорожного пути близ Вильны.

очень велики, и, например, с начала войны немцы потеряли одиннадцать тысяч человек.

В связи с этим возникает еще другой вопрос, а именно, не затопили ли немцы с начала войны, кроме строившихся тогда судов, еще ряд новых судов, и не могут ли они, благодаря именно такой мере, догнать англичан. Для выпененки космическими судостроительными средствами Англичан и Германия. В одном из номеров "Русского Инвалида" за 1915 год г. В. Э. отмечает, что у англичан имеются два класовых судостроительных верфи, в Портсмуте и Девенпорте, для постройки dreadnoughtов, а остальные заводы преимущественно частные.

Эти заводы имеют в общей 156 эллингов и из них 25 для постройки dreadnoughtов. Главнейшие из этих заводов — Армстронга на 19 эллингов, из них 7 для постройки dreadnoughtов, Викерса на 24 эллинга, из них 3 для постройки dreadnoughtов, Джона Брауна на 2 эллинга для постройки dreadnoughtов, Биддера и К' на 3 эллинга для постройки dreadnoughtов, Гарланд на 2 эллинга для постройки dreadnoughtов и др.

На всех этих заводах имеется 200,000 рабочих.

У немцев имеется класовая верфь в Вильгельмсгафене, с 2 эллингами, из которых 1 для постройки dreadnoughtов, затем в Киле, где 1 эллинг для постройки dreadnoughtов, и в Данциге, где строится матов суд. Частных же заводов имеется 7.

Вот Германия имеет в своем распоряжении 74 эллинга, тогда как Англичане 156. Из них у немцев 15 эллингов для постройки dreadnoughtов, а у англичан 25. Рабочих у немцев на этих заводах 72,000, а у англичан — 200,000.

Из этого можно видеть, что судостроительными средствами англичане превосходят немцев. Если бы немцы действительно начали в первые дни войны строить большое число судов, то англичане бы их давно догнали и перегнали, так как Вальфурт заявил, что средства английских судостроительных заводов напряжены до максимума, а при таком напряжении англичане всегда будут впереди немцев.

Что же касается другого вопроса — об орудиях, то до настоящего времени наибольшим преимуществом на судах флота считается 15-дюймовый. Орудия калибром в 15 дюймов имеют снаряд весом около 45 пудов. Такого рода орудия, как известно, установлены на новейших английских dreadnoughtах и предположительно также на установках и на немецких новых dreadnoughtах типа "Эрзель".

В настоящее время в официальной печати были сведения о том, что немцы на заводе Круппа выдвигают морские орудия еще большего калибра, а именно 16-дюймовые, где снаряд весит около 56 пудов. Этими орудиями немцы могут, в лучшем случае, вооружить лишь новые суда, но старых перевооружить не могут. Если бы они захотели перевооружить старые суда и вместо 12-дюймовых пушек поставить 15-дюймовые, то им пришлось бы вместо прежних 10 пушек на каждом корабле ставить лишь по 1 новой пушке. Кроме этого, такое перевооружение связано с переустройством

Член Государственного Совета гофмейстер Борис Владимирович Штурмер, Высочайше назначенный председателем Совета Министров. По фот. Штейнберга.

Сенатор Власий Тимофеевич Суденин, назначенный начальником Главного Управления по делам печати. По фот. Штейнберга.

всех сложных орудийных башен, и потому малоэффективно.

Все эти данные позволяют с большой полнотой ответить на вопрос, имевший значение не только для англичан, но и для всех союзников, а именно на вопрос не могут ли немцы догнать числом кораблей и качеством орудий англичан — отрицательно: ни числом судов, ни качеством орудий немцы догнать англичан не могут, ибо судостроительные средства англичан богаче, а в орудийной технике немцы, хотя и выстроили 16-дюймовые мортиры, несколько не стоят выше союзников. 16-дюймовую мортиру может выстроить завод любой страны, но мортира эта стреляет всего только на 14 вергов, тогда как новейшие орудия меньшего калибра, например, 14-дюймовые, стреляют на 20 вергов.

Высочайший рескрипт,

данный на имя статс-секретаря Его Императорского Величества д. т. с. И. Л. Горемыкина.

Ивану Ингеновичу.

Име в бытность вашу министром внутренних дел Я близко узнал и оценил вашу обширную опытность в области правительственной деятельности и в особенности крестьянского землеустройства, а равно неизменный стремление ваше ко благу страны. Вследствие этого в 1906 году, пред открытием действия Государственной Думы, и вторично в 1914 году вы были мною призваны стать во главе высшего управления Империи, в качестве председателя Совета Министров. При исполнении обязанностей с означенной должностью и ответственными обязанностями, вы не щадили сил, чтобы оправдать мое доверие своим самоотверженным и неопытным поведением в отечестве трудами.

Нынче ослабление здоровья от продолжительных многосложных занятий вынуждает нас ходатайствовать об увольнении от должности председателя Совета Министров.

С грустью расстаюсь с лиц, в которых с одним из самых талантливых, всею преданностью делу моих сотрудников, Я, в изъяснение моему сердечному признательности за оказанные услуги, показываю вас в действительные тайные советники первого класса.

Пробывая к вам навсегда благосклонным.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою писано:

«Покровлю бланкетным и подписан»

НИКОЛАЙ

В Царском Селе. 20-го января 1916 г.

Именной Высочайший указ

Правительствующему Сенату.

Члену Государственного Совета двора Нашего гофмейстеру Штурмеру — Всемилостивейше повелеваем быть председателем Совета Министров с оставлением членом Государственного Совета и гофмейстером.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою писано:

НИКОЛАЙ

В Царском Селе. 20-го января 1916 г.

Содержание. ТЕКСТ: Б. Художник-провидец ("Шестые грозы" К. А. Ставровского). "Виноградный". Рассказ Владимира Войнова. Талисман. Рассказ Георгия Павлова. (Монголия). Дневник военных действий. М. Шмидта. Высочайший рескрипт. Именной Высочайший указ. Завлечение. Объявление. Отклики войны. Угроза с Востока (Политическое обозрение). Хронология войны. РИСУНКИ: Цикл картин "Шестые грозы" К. А. Ставровского (1 карт.). — В Черном море (в рис.) — Старинная церковь Каложа в Гродне (2 атласа В. Рокачевой). — Старинная крепость в Луцке. — Мыза близ озера Сентен. Разрушения железнодорожного пути близ Вильны. — Член Г. С. Совета гофмейстер Б. В. Штурмер, Высочайше назначенный председателем Совета Министров. — Сенатор В. Т. Суденин, назначенный начальником Главного Управления по делам печати.

К этому № прилагается "Полного собрания сочинений Н. Г. Гарина" книга 2.

Редактор-издат. Л. Ф. Маркс.

Требуйте у всех газетчиков сегодняшний номер новой газеты

„НАРОДНОЕ СЛОВО“

Цѣна 2 коп.

Если вы подписались на газету с перес. без вложения 6 р., с прилож. 12-ти стѣнных карт фронтонѣ войны, из которых будут отпечатаны перепечатки лѣтъ войны, на основании официальных сообщений — 6 руб. Главная контора и редакция: Москва, Тверская, д. № 19.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы в прежний натуральный цветъ, я могу выслать Вам удивительный препарат, который постепенно и незаметно для окружающих знакомых возвратит имъ натуральный цветъ. — Этот удивительный препарат одобрен сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описание предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилию и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЫТОКО, МОСКВА. Отд. 1 С. А.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на класный чинъ, высш. начальн., сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназій, на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гимназія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается безплатно.

Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

УЧИТЕСЬ заочно НА РОЯЛѢ

Нов. сист. легко и удобно. Я пер. 3 р. с 1 нотами выс. в 2 р. Петрогр. Ценой, М. Спаск., 6, уч. муз. К. Соминову.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ГОНОРРЕИ)
новѣйшее средство „SALO—ПИЧИЛИНЪ“
дѣйствуетъ быстро и считается рациональнымъ средствомъ. Наставленіе при употребленіи. Настоящій только изъ металъ коробокъ по 1 р. и по 1 р. 60 к. Одинаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истеченія. ДЕПО: Петербургъ, Развѣдочная ул., 7 аптека Б. Конейкина. Провести во всѣхъ аптекахъ по рецепту врачей.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ. Изд. 1-е. Издательство „БЛАГО“. Цена руководства съ перес. 1 р. 25 к. Адресъ: Москва, изд-ству „БЛАГО“, отд. 2.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Угроза съ Востока.

(Политическое обозрѣніе).

Огонь, какъ и вода, стремится захватить какъ можно большее пространство. Вся центральная Европа уже полтора года обита пламенемъ войны. Только самые небольшие уголки европейской территоріи — Голландія, Испанія, Португалія, Швеція, Норвегія, Швейцарія и Румынія, — еще сохраняютъ свои нейтралитетъ, да и то цѣною героическихъ усилий и отказа отъ самыхъ основныхъ национальныхъ правъ и требованій. Чемъ дольше длится война, тѣмъ труднѣе сохранять нейтралитетъ. Греція считается нейтральной, но ея территорія занята воюющими, ея границы окружены непріятельскими арміями и города бомбардируются австро-болгарскими аэропланами. Въ нейтральной Швейцаріи происходятъ германофобскія демонстраціи, разгоняемые войсками съ примѣненіемъ оружія. Въ Румынію народъ и общество явно сочувствуютъ намъ, а правительство тайно содѣйствуетъ немцамъ, и только угроза болгарскаго нашествія на Добруджу можетъ заставить румынъ выступить активно не на немецкомъ, а на нашей сторонѣ. Шведское правительство громко говоритъ о поддержаніи нейтралитета и въ то же время всѣми силами дѣлаетъ этотъ нейтралитетъ возможно болѣе благоприятнымъ для Германіи и враждебнымъ для насъ. Ея политика скользятъ по наклонной плоскости, и лишь мощное проявленіе русской военной силы на сѣверо-западномъ фронтѣ можетъ предотвратить болѣе активное выступленіе шведскихъ дипломатовъ къ веснѣ. При малѣйшемъ сѣверномъ шагѣ пожара войны захватитъ новыя страны и неутрачено распространится по всей Европѣ. Обостреніе отношеній между Америкой и Германіей и рѣчь президента Вильсона о необходимости военной подготовки на случай столкновенія съ могущественной державой, угрожающей основнымъ принципамъ великой заатлантической республики, намечаетъ на близкую возможность включенія въ число воюющихъ новыхъ участниковъ. Такъ, какъ Канада и Австралія и безъ того воюють съ немцами подъ англійскимъ флагомъ, а окраины Азіи и Африки непосредственно охвачены войною колоніальныхъ армій, то съ наступленіемъ Америки война сдѣлается дѣйствительно всемірной, раскиснетъ по всѣмъ пяти частямъ свѣта. Заключенная Вильсономъ и Энверомъ-пашой попытка завоеванія Египта, угрожающая мировой торговлѣ Америкой, гдѣ и усиливается усѣбство, но зато она пробуждаетъ чувство

расовой солидарности между англичанами и американцами и даетъ толчокъ къ совместной англо-американской защитѣ расовыхъ интересовъ на путяхъ мировой торговли.

До сихъ поръ въ сторонѣ отъ мирового кровопролитія остаются только самая окраина Азіи въ лицѣ Китая, но дѣятельная германская дипломатія разсчитываетъ и китайцевъ вовлечь въ кровавую кутерьму. При посредствѣ германскихъ военныхъ агентовъ провозглашенный китайскимъ императоромъ президентъ Юаншанъ работаетъ проектъ военныхъ реформъ, подлежащихъ введенію въ всеобщей повинности создать колоссальнѣйшую армію въ 45 милліоновъ жѣлтыхъ воиновъ. Кто знаетъ, какіе грандіозные замыслы зрѣютъ въ умѣ китайскаго Наполеона, но пока осуществленіе ихъ ему не совсѣмъ удастся. Провозглашеніе имперіи, за отставку котораго высказывались въ Пекинѣ представители всѣхъ державъ согласія, вызвало одновременное возстаніе и на республиканскомъ Югѣ и на приверженномъ къ свергнутой манджурской династіи Сѣверѣ. Быть-можетъ, у гениальнаго диктатора хватить въ концѣ концовъ силы усмирить и сѣверянъ и южанъ. Однако первыя столкновенія окончились далеко не въ его пользу. Армія, высланная имъ противъ южныхъ повстанцевъ, перешла на ихъ сторону. Къ нимъ присоединилась соседняя провинція, и антиимперіалистическое движеніе быстро разрастается въ организованную революцію. Въ то же время сѣверные враги Юаншанъ пробились уже сквозь Великую Стѣну и двумя арміями, численностью около 40 тысячъ, двинулись по направленію къ Пекину. Политическія стремленія южанъ и сѣверянъ прямо противоположны, но все же они идутъ къ одной общей цѣли — къ сверженію Юаншанъ, объединяются однимъ общимъ чувствомъ — ненавистью къ диктатору и въ этомъ смѣшатъ взаимно помогаютъ другъ другу. Торжество непріятельской враждебности между собою союзниковъ не принесетъ съ собою для Китая ничего обновляющаго, ничего творческаго и созидательнаго, пожалуй, послужитъ даже истощеніемъ новыхъ кровавыхъ междоусобій въ будущемъ, но во всякомъ случаѣ упроченіе на китайскомъ тронѣ энергичнаго, полнаго воинственныхъ замысловъ, генерала, мечтающаго командовать 45-милліонной арміей, не въ интересахъ Европы и Россіи. Революціонная смута въ Китаѣ надолго задерживаетъ осуществленіе гордыхъ замысловъ желатаго Наполеона, подрываютъ его мощь и разбиваютъ грозныя гучи, надвигающіяся съ Востока на обеззащитную несчастью войною Европу.

самый ПОДАРОКЪ в заятіи!!!
лучшія

новѣйш. мет.: прост. (плоское) мо-
нотип., глубокая и властная, выжи-
вѣ по дереву, кожѣ, цвѣтъ и т. п.
Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. и уна-
вѣнкой 1 р. 70 к. Полуц. массу
бывш. мет. со вѣтъ конд. Россіи.
Выписывать отъ автора:
ПЕТРОГРАДЪ, Лубенская ул.,
д. 8, кв. 50.
1000 Книгопродав. об. скидка.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Н. ЧУКОВСКИЙ.

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!
Томми Аткинсъ на войнѣ.

Съ 90 иллюстраціями.

Содержаніе. Отъ автора. Солдатскія пись-
ма. Русскія письма и англійскія. На-
встрѣчу врагу. Дѣти и женщины. Ан-
глійскіе солдаты о врагѣ. Набѣгъ на
Гельголандскую бухту. Битва подъ Мон-
сомъ Юмористы. Спортсмены. Мы. „Въ
человѣчѣхъ благоволеніе“. Событія по-
слѣднихъ временъ. Два письма. Гимны
Ненависти и Гимны Любви. Какъ въ
Англіи вербуютъ добровольцевъ. Снаря-
дотъ! Снарядотъ! Снарядотъ! Великое
въ маломъ. 160 стр.

Учен. Ком. Мн. Нар. Пр. признавъ заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ за-
веденій, учительскихъ семинарій, равно
какъ библиотекъ народныхъ библиотекъ
и читальнъ, а также подлежащей допу-
щенію въ учебныя библиотѣки выс-
шихъ начальныхъ училищъ.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

KKBA

Prepara yourself to study this

